

СЕЛЬСКАЯ ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ В РОССИЙСКОМ НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

К.В. Аверкиева

*Институт географии РАН, отдел социально-экономической географии,
ст. науч. сотр., канд. геогр. наук; e-mail: k_averkieva@igras.ru*

На фоне продолжительного миграционного оттока сельских жителей в города процесс переезда горожан в сельскую местность, особенно тех, кто не меняет городскую регистрацию или проживает на селе сезонно, почти не заметен. Однако на сельские территории приток новых жителей оказывает большое влияние, поскольку горожане имеют богатый социальный капитал и иные ресурсы для преобразования сельской местности. На примере Верховажского района, где проводились полевые исследования на протяжении нескольких лет, показано, как горожане включаются в различные виды экономической и социальной жизни села или предлагают новые виды деятельности. В селах по долине Ваги расположены база реставраторов деревянного зодчества, центр дровяного обжига керамических изделий, музей старинной конской упряжи и другие объекты, созданные горожанами. В то же время бывшие горожане работают и в ординарных объектах сельской социальной инфраструктуры: школах, домах культуры, магазинах, сельских администрациях, предлагая сельским жителям принятые в городах практики (публичные лекции, бук-кроссинг, раздельный сбор мусора, сельский секонд-хенд и др.).

Ключевые слова: сельская джентрификация, селско-городские миграции, Нечерноземье, Вологодская область

DOI: 10.55959/MSU0579-9414-5-2022-6-119-128

ВВЕДЕНИЕ

Переезд горожан в сельскую местность – явление распространенное, но статистически не очень заметное и количественно не перекрывающее миграционный отток и естественную убыль на селе. При этом бывшие горожане оказывают заметное влияние на сельские территории, не столько включаясь в сложившийся хозяйственный уклад, сколько показывая новые варианты хозяйствования, задействуют свой социальный капитал для реализации новых экономических или социальных инициатив.

Публикации о переезде горожан в сельскую местность встречаются у российских авторов, в первую очередь, социологов, антропологов, экономикогеографов и демографов. Междисциплинарное внимание к этому процессу порождает терминологическую путаницу, которую усиливают журналисты, освещающие отдельные истории переселения на село. Так, экономикогеографы [Нефедова и др., 2015] и часть социологического сообщества [Горожане в деревне, 2016] давно используют термин «дезурбанизация», сотрудничающие с зарубежными коллегами и опирающиеся на принятые в европейской науке термины социологи [Жаднова, 2014] чаще пользуются калькой термина counterurbanization, т. е. «контрурбанизация». Также нередко выходят статьи, где интересующий исследователей [Покровский и др., 2020; Звягинцев, Неуважаева, 2015] процесс называется обратной миграцией, что могло бы быть справедливо, если бы в сельскую местность возвращались именно те, кто в недавнем прошлом переезжал в города. Но

нередко потоки из села в город и из города в село идут параллельно, охватывая разные социальные группы.

Одновременно добавляются другие термины, в частности «рурализация» [Овчинцева, 2021], что не вполне отражает суть явления, поскольку он делает акцент не на миграции, а на придании сельских черт чему-либо, в том числе территориям. В публикациях, посвященных переезду горожан в сельскую местность, встречается и термин «рурбанизация» [Рурбанизация по-русски..., 2011], который означает появление городских элементов быта в сельской среде. Его охотно использовали географы, описывая государственную политику «смычки города и деревни», которая в 1960–1980-х гг. воплощалась в возведении многоквартирного благоустроенного жилья в сельской местности вместо деревенских изб с приусадебными участками. Но для описания переезда горожан, даже если он сопровождается созданием городского комфорта в сельском жилище, он не очень подходит. Иногда и вовсе появляются не принятые в науке неологизмы, как «антиурбанизация» [Сахнин, 2021], призванные, по всей видимости, подчеркнуть противопоставление села городу и показать, насколько новый образ жизни переселенцев отличен от прежнего, городского.

Терминологические разногласия только подчеркивают нарастающий интерес научного сообщества к тому явлению, которое почти не поддается количественной оценке (потому что многие сохраняют прописку в городе, опасаясь лишиться доступа к определенным благам), но игнорировать которое

дальше невозможно. Аналогичный путь уже проходят исследования дачных миграций и дачников как таковых. Долгое время сезонные миграции, не охватываемые официальной статистикой, не попадали в фокус научных исследований. Но постепенно дачи стали интересовать все больший круг исследователей, географы изучают как их пространственное распространение [Махрова и др., 2016; Щепеткова, 2018], так и влияние дач на различные территории [Между домом..., 2016].

Современные исследования переезда из города в село также зачастую сфокусированы на влиянии новых переселенцев на окружающих сельских жителей или на сельскую местность в целом. Об этом же активно писали и зарубежные авторы еще 10–15 лет назад, когда к публикациям о контрурбанизации стали стремительно добавляться статьи о сельской джентрификации. Отдельные авторы [Phillips, 2010] даже писали о том, что оба эти понятия можно использовать как синонимы. Термин «джентрификация» за рубежом пришел в литературу о сельской местности из городских исследований [Smith, Derksen, 2002]. Он появился еще в 1960-х гг. и означал социальную трансформацию городских микрорайонов из-за замещения местных жителей с низкими доходами представителями среднего класса, что нередко ведет к ревитализации отдельных кварталов. В российскую урбанистику термин пришел еще в 2000-х гг. [Махрова, Татаринцева, 2006] и активно используется и сейчас [Вавилова, Кузнецов, 2020; Махрова, Голубчиков, 2012]. В работах, посвященных сельской местности, этот термин в России еще не использовался.

Перенос знакомого всем урбанистам термина джентрификация в исследования сельских территорий видится авторам [Stockdale, 2010] уместным и даже необходимым, поскольку в сельскую местность, как правило, переезжают горожане с более высоким материальным положением, чем местные жители, и постепенно они меняют сельские территории, делая их более комфортными и привлекательными для новых переселенцев.

Обобщая публикации о сельской джентрификации в статьях, написанных на базе исследований в зарубежной Европе [Solana, 2010; Carriso et al., 2019] и США [Nelson et al., 2010], можно выделить ряд наиболее характерных для этого явления черт и процессов: снижение темпов депопуляции сельских территорий, изменение рынка недвижимости и рост цен, благоустройство сельских населенных пунктов, деаграризация, новые культурные инициативы и/или изменения сельского образа жизни как такового. И термин, и само явление сельской джентрификации постоянно обсуждается в зарубежных исследованиях. неизбежно приходится говорить о

конflikте, условно, коренного и пришлого населения, о классовом расслоении, об утрате локальной идентичности, хотя, казалось бы, повышение материального благосостояния и улучшение сельской среды – явления сугубо положительные.

Так и российские авторы, осмысливающие перемещение жителей городов в сельскую местность, ищут наиболее адекватные термины и их оценки. В частности, антропологи [Мельникова, 2020] рассуждают о том, можно ли рассматривать этот процесс через призму колонизации или неокolonизации, присвоения села горожанами. Терминология колонизации использовалась и экономикогеографами [Аверкиева, Нефедова, 2016] в описании дачной экспансии столичных жителей в Костромскую область, где упоминается и о том, что сами сезонные жители костромских сел называли себя колонистами, а свои деревни – колонией.

Один из ярких примеров тотального замещения местного населения городскими переселенцами можно наблюдать в Борисоглебском районе Ярославской области, в окрестностях села Ивановское. Здесь переехавший из Москвы педагог Владимир Мартышин создал на базе малокомплектной сельской школы «Школу целостного развития», которая стала привлекать учеников не столько из окрестной сельской местности, сколько из городов, в первую очередь, из Москвы. Вместе с детьми в Ивановское-на-Лехте стали переезжать родители. Сам идеолог движения оценивает поток переехавших за 20 лет примерно в 400 человек, «... в этой деревне у местных осталось дома четыре – все остальные переехавшие. Наверное, двадцать домов уже построено заново. В соседней деревне семь домов построили... В деревнях благоустраиваются детские площадки, сажаются деревья, аллеи, т. е. села преобразуются» [Овчинцева, 2021, с. 305]. Как вернее охарактеризовать этот процесс: сельской джентрификацией, которую чаще рассматривают как положительное явление, или неокolonизацией, которой однозначной оценки не дать, – пока неясно.

Этот же пример иллюстрирует еще одну сторону преобразования сельской местности переехавшими из городов жителями: отказ от сельского хозяйства и углубление функциональной трансформации сельских территорий, торжество постаграрного [Щепанская, 2021], постпродуктивистского подхода. Неверно утверждать, что переселенцы из городов полностью отказываются от сельского хозяйства. Более того, отдельные авторы [Звягинцев, Неуважова, 2015], опираясь на проведенные с переселенцами интервью, пишут о том, что преимущественно переезжают те, кто планирует заняться подсобным хозяйством (хотя здесь кроется большой вопрос, можно ли нетоварное подсобное хозяйство отно-

силь к сельскому хозяйству как категории занятости или вида экономической деятельности) или стать фермером. Горожане действительно нередко пробуют себя в сельском хозяйстве, переезжая в сельскую местность, но далеко не всегда это является их основным видом деятельности и/или дохода, зачастую аграрное производство рассматривается ими как получение нового опыта, как временный способ улучшить материальное положение, как компонент нового образа жизни.

В рамках данного исследования, которое опиралось на полевые наблюдения за несколькими сельскими населенными пунктами на протяжении четырех лет, хочется проверить, присущи ли депопулирующей сельской местности российского Нечерноземья черты сельской джентрификации, выявить аспекты взаимного влияния переехавших горожан и сельского окружения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Данное исследование опирается на набор подходов и методов, принятый в социально-экономической географии. В рамках полевых исследований проводились натурные наблюдения, экспертные полуструктурированные интервью с представителями администрации Верховажского муниципального района (три интервью) и с сотрудниками четырех администраций (пять интервью) сельских поселений. Непосредственно с переселенцами в сельскую местность из городов было проведено шесть полуструктурированных глубинных интервью. Проводился анализ публикаций в социальных сетях (страницы респондентов и других бывших горожан Верховажья в социальных сетях «ВКонтакте» и Facebook) и в СМИ (газета «Верховажский вестник», паблик «Подслушано в Верховажье» в сети «ВКонтакте»), а также отдельные материалы из региональных и федеральных СМИ), освещающих различные проекты и мероприятия, инициированные новыми сельскими жителями.

Верховажский район Вологодской области, выбранный как полигон для исследований, не особенно выделяется на фоне других районов Вологодской области и староосвоенного Нечерноземья [Староосвоенные районы..., 2021] в целом. Как и многие другие, он переживает постепенное сокращение населения (за постсоветский период он, как и многие сельские районы этой полосы, потерял около $\frac{1}{3}$ населения, сейчас на его территории проживают около 12 тыс. человек) и трансформацию экономики, которая базируется на сельском и лесном хозяйстве. Обе отрасли проходят постепенную модернизацию, что приводит к небольшому росту объемов производства и сокращению численности

занятых. В сельском хозяйстве действуют 22 хозяйства разных форм собственности, что немало для одного сельского муниципального района. В Вологодской области район известен как один из последних льносеющих, а в целом он имеет характерную для большинства районов Нечерноземья молочную специализацию. В лесном хозяйстве действует много небольших предпринимателей, занимающихся лесозаготовками и первичной деревообработкой. В большинстве сельских кустов есть небольшие пилорамы, изредка встречаются предприниматели, занимающиеся деревянным домостроением.

Специфика его географического положения – это федеральная трасса М8, которая пересекает район с юга на север. Трасса проложена в стороне от основной полосы расселения в долинах рек Вага, Пежмы и Кулой, в районе почти нет деревень, которые находились бы непосредственно на шоссе. К каждому сельскому кусту ведет неасфальтированный участок дороги длиной в несколько километров, что не привлекает транзитный транспорт. В то же время трасса сильно увеличивает доступность района, она обслуживается круглогодично и позволяет легко добираться как в Вологду (оттуда, при необходимости, в Москву или Санкт-Петербург), так и в соседний Вельск (Архангельская область) – живой малый город, южную столицу обширного северного региона.

Большинство сел и деревень Верховажского района, не считая шести советских лесопунктов, можно отнести к историческим, они гармонично вписаны в природные ландшафты в долинах рек. Богатая история и живописное расположение при хорошей транспортной доступности – немаловажные факторы, которые притягивают в Верховажский район переселенцев из городов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

«Новые деревенские» как носители традиционной культуры. Изначально Верховажье привлекло внимание благодаря неординарному мероприятию, ежегодно проходящему в одной из деревень, – сельскому многоборью с трогательным названием «Лимпияда в Липках». Изначально в формате «лимпияды» стал проходить День села, позже она стала крупным мероприятием районного масштаба. К участию в соревнованиях – колке дров, косьбе и метанию стогов, растопке самовара, ношению воды коромыслом, выпечке блинов на костре и др. – готовились команды из разных сельских поселений и даже райцентра, который стремительно приобретает черты малого города, оставаясь крупным селом.

Организаторы фестиваля – жители Липок, которые не являются коренными верховажцами. Они

переехали в Липки из Мурманска уже в пенсионном (хотя и молодом) возрасте, организовали народный ансамбль «Радоница» и включились в сельскую жизнь. Как оказалось, среди участников народного коллектива есть и бывший житель Новодвинска (промышленного города в Архангельской области), который в Липках известен активной жизненной позицией. Он организовал сельскую автошколу и обучал всех желающих вождению, баллотировался на пост главы сельского поселения и всегда принимал участие в разных мероприятиях своего сельского куста. Он не имеет родственников в районе и выбирал Верховажье и Липки как место жительства на пенсии, исходя из собственных представлений о комфортности территорий.

Многие культурные события, особенно связанные с народными традициями, организованы не коренными жителями, а теми, кто переехал в Верховажский район из разных городов. Среди них есть как те, кто все же имеет связь с районом, так и те, кто оказался на Верховажье случайно. Так, мастер-гончар, переехавшая в Верховажье из Вологды уже в пенсионном возрасте, занялась возрождением местной Сомовской керамики. С районом ее связывает то, что из Липецкого куста была родом ее мама, хотя она сама родилась уже в Вологде. Мастер переехала не в родную деревню, а в районный центр – село Верховажье, где стала работать в Центре традиционной народной культуры и преподавать гончарное дело, а также занялась восстановлением искусства свободной кистевой росписи.

В соседней с райцентром деревне Рогачиха уже почти 20 лет живет семья горожан с сибирско-московско-петербургскими корнями, на какое-то время ставших основными носителями традиционной крестьянской культуры в Верховажье. В начале 2000-х гг. они переехали в старинный крестьянский дом с аутентичным интерьером, часть помещений используя как сельский гостевой дом и музей крестьянского быта. Они принимали и своих знакомых, и высокопоставленных гостей из областной администрации. Дом стал визитной карточкой Верховажья, пока не сгорел в 2016 г. Отстраивать заново крестьянский дом они не стали, но вместе с местным предпринимателем решили построить сельскую гостиницу и маленький гостевой дом.

Семья горожан из Рогачихи выполняет важную функцию для этой территории, привлекая новых поселенцев благодаря обширным социальным связям. Так, несколько домов в этой же деревне выкуплены переехавшими из Москвы религиозными эскапистами (это явление – не редкость для сельской местности [Щепанская, 2020]), которые хотели создать здесь небольшую общину, но пока живут тут только сами, ожидая единомышленников. В других

деревнях появилось несколько семей, переехавших в Верховажский район из общины Германа Стерлигова. Жители Рогачихи поддерживают общение с большинством горожан, обосновавшихся в этом районе, не теряя связи с двумя столицами, где живут их старшие дети, а младший сын женился на жительнице Верховажья и открыл в 2021 г. первый в районном центре пункт выдачи заказов одного из федеральных маркетплейсов.

В Верховажье есть представители религиозных течений, не входящие ни в какие общины и не всегда поддерживающие общение друг с другом. Наиболее яркий среди них – старообрядец Феодосий Травин, который привлекает к себе внимание не столько нарочито архаичной внешностью, сколько владением уже почти утраченными даже на Русском Севере навыками плотницкого и шорного дела. Он держит лошадей, собирает музей старинной конской упряжи и повозок, сам реставрирует и мастерит сани и разные виды экипажей. Феодосий – бывший москвич с высшим образованием. После нескольких лет перемещений по Русскому Северу он переехал в Верховажье в 2008 г., с тех пор успел привести в порядок хозяйство, создать семью. Вместе с Анатолием Ехаловым, который инициировал «Лимпиаду в Липках», Феодосий организовал региональный фестиваль Живых Ремесел.

Арт-резиденция в Шелотах, или Что может социальный капитал. Одной из новых достопримечательностей Верховажского района стала дровяная печь для обжига керамики «Вага». Она была построена в 2020 г., и своим появлением обязана переселенцам из городов. В 2016 г. в Шелота – куст деревень на юге Верховажского района, образующий отдельное и самое маленькое в районе сельское поселение, – из Санкт-Петербурга переезжает бухгалтер, увлеченный керамикой. После переезда она начала работу в администрации сельского поселения, активно включившись в жизнь села. Наряду с участием и подготовкой традиционных сельских мероприятий она стала проводить и свой праздник – ежегодный керамический фестиваль, куда приглашала не только своих друзей-керамистов из Санкт-Петербурга и Вологды, но и зарубежных гостей. В то же время были приглашены и все жители Шелот, на мастер-классы и братчину – вечернюю трапезу на открытом воздухе около храма, поэтому праздник воспринимался как общий, сельский. Для размещения гостей фестиваля в 2018 г. по инициативе его организатора был открыт гостевой дом.

Постепенно работа в администрации и собственные проекты перестали приносить ожидаемые результаты, потому что средства местных бюджетов очень скромные даже при наличии различных механизмов инициативного бюджетирования. В 2019 г.

создан НКО «Фестиваль» для расширения деятельности, связанной с керамическими фестивалями. НКО получала небольшие средства на проведение гончарного фестиваля. В 2020 г. удалось выиграть грант на строительство уникальной печи для дровяного обжига керамики. Печь стала центром притяжения керамистов со всей России, появились идеи создания творческой резиденции. В 2021 г. на средства нового гранта были построены настилы для палаточного лагеря, подведены инженерные коммуникации и созданы бытовые условия для гостей-керамистов (баня, душ, летняя кухня), началось строительство мастерской, чтобы мастера приезжали не только на непосредственно обжиг, но и могли создать новые изделия, обменяться опытом. В том же году началось сотрудничество с Санкт-Петербургской художественно-промышленной академией имени А.Л. Штиглица, в Шелота студенты приезжали на летнюю практику.

В 2021 г. Арт-резиденция начала свою полноценную работу, и за летне-осенний сезон приняла шесть смен керамистов и группу студентов из Санкт-Петербурга. Каждую смену мастера в течение недели живут в Шелотах – в гостевом доме в центре села или в палатках. Питание можно организовать самостоятельно, но обычно гости предпочитают «деревенский кейтеринг» (выездную организацию питания) – еду из сельской столовой или приготовленную кем-то из местных жителей, кто готов сотрудничать с арт-резиденцией. Помимо предоставления питания керамистам жители Шелот проводят для них мастер-классы по народным промыслам.

В то же время и мастера-керамисты оживляют село не только путем потребления услуг и пространства. Гости, посещающие арт-резиденцию, сами нередко готовы проводить мастер-классы или открытые лекции для интересующихся жителей села. Так, благодаря петербургским геологам в Шелотском краеведческом музее появилась палеонтологическая экспозиция, в 2021 г. в сельском доме культуры гости устраивали лекцию по геологии и палеонтологии. Благодаря социальному капиталу хозяйки резиденции нашлись волонтеры и меценаты, которые отремонтировали кровлю в Троицком храме, приобрели колокола для небольшой звонницы, создали витраж для западного окна. Другая команда волонтеров разработала логотип и подготовила информационные буклеты о селе, создала страничку о сельском кусте для Википедии, напечатала серию открыток с картинами художников, которые живут в окрестностях или приезжают в Верховажье на пленэр.

Еще один «спин-офф» (побочный продукт) арт-резиденции – это фестиваль деревенского кино

«Печка», прошедший в Шелотах в 2021 г. и организованный режиссерами из Санкт-Петербурга. Фестиваль посвящен фильмам о сельской местности и организован режиссерами игрового кино и кинодокументалистами из России и соседних стран. В 2022 г. намечен следующий фестиваль, а также начал работу кинокампус «Северяне», который объединит начинающих режиссеров-документалистов из разных районов Вологодской области под руководством специалистов для создания нового документального полнометражного фильма «о деревенских жителях – хранителях традиций и культуры северных деревень» [Первый в России документальный кинокампус...].

Помимо культурных проектов участникам арт-резиденции время от времени приходится решать и насущные проблемы села. Так, в конце 2019 г. под угрозой закрытия оказался сельский магазин РайПО из-за дефицита владеющих навыками бухгалтерии 1С работников. В итоге в Шелота из Петербурга переехал сын хозяйки резиденции и вышел на работу в магазин, параллельно обучая нескольких жителей ведению электронной бухгалтерии, чтобы постепенно передать им рабочее место. С 2020 г. он остался жить в Шелотах, сохраняя удаленную работу в Петербурге. Пока он работал в магазине, наладил бук-кроссинг и устроил пункт раздельного сбора мусора, был создан сельский секонд-хенд, куда поставляли одежду петербургские друзья.

Черты сельской джентрификации на Верховажье. Рассмотрев случай Верховажского района, хочется соотнести выявленные черты с теми, которые выделяют зарубежные коллеги, говоря о сельской джентрификации. В обобщенном виде основными чертами являются:

- вторичное заселение и/или замещение местного населения переезжающими из городов;
- оживление рынка сельской недвижимости и рост цен;
- улучшение качества жилого фонда и благоустройство сельских территорий;
- усиление пост-аграризации сельской местности;
- изменения в сельском образе жизни.

Рассмотрим, как эти черты проявляются в изученном районе.

Первый процесс – «репопуляция» – в каком-то виде действительно происходит. Он почти не поддается количественной оценке, поскольку новые сельские жители, подобно сезонным дачникам, далеко не всегда имеют даже временную регистрацию в сельской местности. А даже если бы и имели, все равно приток горожан не перекрыл бы естественную и миграционную убыль [Карачурина, Мкртчян, 2016], которая идет своим чередом. В то же время в сельской местности идут внутренние миграции

онные процессы (*«сельская местность подвижна сейчас, как и всегда»* [Bell, Osti, 2010]), и на фоне общей мобильности бывшие горожане не всегда выделяются контрастно. Но они есть, переезжают представители разных поколений, семьями и поодиночке, из столичных городов, из регионов Севера, в первую очередь Архангельской и Мурманской областей, из городов и районов Вологодской и соседних областей и даже из удаленных от Верховажья регионов.

Горожане действительно оживляют рынок сельского жилья. Так, в Шелотах хозяйка арт-резиденции выкупила расположенный недалеко от своего дома для оборудования второго гостевого дома. Другой дом в той же деревне куплен петербургскими режиссерами для своих мероприятий, еще два дома куплены горожанами в расположенных на периферии сельского куста деревнях. Горожане покупали дома и перебирались в село и до начала работы арт-резиденции. Так, в этом же сельском поселении находится артель реставраторов объектов деревянного зодчества, и мастера, приехавшие из городов, покупают дома или строят новые.

Вопрос влияния переезда горожан на цены на недвижимость очень неоднозначный. С одной стороны, программа материнского капитала уже привела к росту цен на дома (*«у нас хоть и деревня, но меньше, чем за маткапитал, дома не продают»* – из интервью с главой Чушевицкого сельского поселения). С другой стороны, цены на сельские дома очень варьируют, а предложение весьма ограниченное. Несмотря на депопуляцию свободных домов в сельской местности немного: какие-то используются сезонно, какие-то – эпизодически или даже не используются, но сохраняются в собственности как фамильные. Даже сами сельские жители нередко имеют несколько домов: в центре поселения и в деревнях на периферии, у каждого из которых есть свое функциональное значение. В то же время интерес горожан к сельской местности способствует небольшим подвижкам на рынках недвижимости: в тех местах, где есть переселенцы, как правило, больше оформленных домов, а главы сельских поселений составляют реестры пустующих домов, ищут хозяев или наследников.

В зарубежной практике улучшение качества жилого фонда и благоустройство сельских территорий в рамках сельской джентрификации происходило из-за изменения состава населения. На место сельских жителей приезжали бывшие горожане – представители среднего класса с более высокими доходами, которые могли инвестировать в жилье и среду. Само по себе понятие среднего класса в России размыто, поэтому не очень понятно, можно ли отнести к нему переезжающих в село горожан. Новые жи-

тели деревни имеют очень разные доходы и разные представления о благоустройстве и обустройстве жилья. Опираясь на натурные наблюдения в Верховажье, можно отметить, что самые новые и благоустроенные дома в сельской местности чаще не у горожан, которые с большим уважением (хотя и не всегда) относятся к культурному ландшафту вологодской деревни, поэтому они сохраняют бревенчатые избы или строят новые дома из бруса. А самые новые и хорошо оборудованные дома, облик которых иногда диссонирует со сложившейся застройкой – у сельской элиты, в первую очередь у тех, кто связан с лесным бизнесом, реже – у фермеров и руководящего звена местных сельскохозяйственных предприятий.

Пример Верховажья показывает, что горожане в сельской местности редко вовлекаются в аграрное производство. Даже простые огороды есть далеко не у всех, не говоря уже об идеях стать фермерами или найти работу на местных сельскохозяйственных предприятиях. Даже те, кто пробует разводить пчел или откармливать гусей, ищут в этом новый опыт и иногда решают срочные финансовые вопросы, но не стремятся сделать это основным источником дохода. С одной стороны, переезжая в сельскую местность неплодородного Нечерноземья, было бы странно искать аграрной занятости. С другой стороны, не только объективные природные ограничения препятствуют аграрной деятельности переселенцев. Новые сельские жители столь же неоднородны, как и местные, которые также далеко не все стремятся к сельскому хозяйству даже на уровне обеспечения личных потребностей. Тем не менее наиболее коммерчески успешные начинания новых горожан, как правило, не связаны с сельским хозяйством.

Наиболее дискуссионным остается вопрос влияния новых жителей села на общее течение сельской жизни, на то самое «сельское», отличное от «городского». Грань между селом и городом и так активно стирается по всему миру путем клеточной глобализации [Покровский, Нефедова, 2013]. В то же время и сельские жители оказывают влияние на бывших горожан. А некоторые переселенцы (в первую очередь, религиозные эскаписты) изначально были настроены не на преобразование села, а на архаизацию своих повседневных практик. Возрождение традиционной культуры (фольклора, народных росписей, керамики, ткачества) силами горожан – явление, которое трудно назвать модернизацией села или изменением образа сельской жизни. Но примеры обучения сельских жителей вождению, овладения компьютерной грамотностью и др. говорят о том, что горожане дополняют сложившиеся практики новыми.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показывает, что описанные в зарубежной литературе процессы сельской джентрификации присущи и российской сельской местности. Горожане немного замедляют темпы сельской депопуляции и меняют социальный состав сельских территорий. Их присутствие в сельской местности оживляет локальные рынки недвижимости. Это ведет как к росту цен, так и к росту налоговой базы местных бюджетов, поскольку живой рынок недвижимости стимулирует постоянно проживающих сельских жителей оформлять свои дома и участки (и, соответственно, платить земельный и имущественный налоги). Горожане, по крайней мере в Нечерноземье, редко стремятся иметь товарное сельскохозяйственное производство. Хотя двое из шести респондентов имеют скот или птицу и занимаются огородом, они не считают, что стремились в сельскую местность для ведения подсобного хозяйства, оно не служит для них основным источником дохода. Аналогично и с другими бывшими горожанами Верховажья, информация о которых была получена из СМИ.

Если в зарубежной практике сельской джентрификации чаще оказывается, что новые жители деревни – бывшие горожане – оказывают сильное влияние на местных жителей, меняя сельские традиции и нередко разрушая сельские сообщества, то в обследованной местности в России влияние новых и старых жителей деревни взаимно. Горожа-

не показывают новые навыки, помогают сельским жителям шире осваивать информационные технологии. Но и сельские жители влияют на горожан, многие переехавшие говорят об архаизации повседневных привычек и даже внешнего вида после переезда в деревню. Примечательно, что именно горожане стремятся сохранять и возрождать традиционную культуру села – народные песни, ремесла. Аналогичные наблюдения были у Т.Г. Нефедовой в Костромской области [Нефедова, 2008].

Никакие попытки описать влияние бывших горожан на сельскую местность в терминологии существующих в науке подходов все равно не позволят создать целостную картину современных сельско-городских взаимодействий. В сельском Нечерноземье, столь уязвимом и теряющем жителей десятилетия подряд, любые новые процессы всегда проявляются очень рельефно. Пример Верховажского района показывает, что горожане не столько ускоряют модернизацию социальной жизни села, сколько возрождают и сохраняют народные традиции, стремятся не противопоставить себя сельскому миру Русского Севера, а стать если не его частью, то дополнением. Горожане в верховажских деревнях, как и в случае описанной в европейской литературе сельской джентрификации, создают новую среду, которая притягивает новых переселенцев и иногда удерживает местных жителей от принятия решения об отъезде.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-17-00112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 1. С. 103–128.
- Вавилова Т.Я., Кузнецов И.В. Джентрификация городских территорий, расположенных вблизи железных дорог и вокзалов, в интересах устойчивого развития // Архитектура и современные информационные технологии. 2020. № 4(53). С. 191–203.
- Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества: коллективная монография / сост. и науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга, 2016. 404 с.
- Жаднова Е.В. Методологические подходы к изучению взаимодействия города и деревни // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 194–199.
- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 1. С. 101–135.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграций в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.
- Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2012. № 2. С. 26–31.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 2. С. 64–74.
- Махрова А.Г., Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // Региональные исследования. 2006. № 3(9). С. 28–42.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый Хронограф, 2016. 504 с.
- Мельникова Е.А. Деревня в городских проекциях россиян // Социологическое обозрение. 2020. № 6. С. 5–11.

- Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / ред. Н.Е. Покровский. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. С. 98–120.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12(380). С. 60–69.
- Овчинцева Л.А. Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 305.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах ближнего севера России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–23.
- Покровский Н.Е., Макишанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64.
- Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.
- Щепанская Т.Б. Домик-в-деревне для бегства и выживания: утопия сельской автономии в популярной футурологии катастроф // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 70–87.
- Щепанская Т.Б. К динамике постаграрности: ресайклинг сельской зверофермы в Республике Карелии // Словесность и история. 2021. № 2. С. 108–124.
- Щепеткова И.О. Территориальная организация садоводческих образований в пригородах Перми // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 4. С. 46–54.
- Bell M., Osti G. Mobilities and ruralities: an introduction, *Sociologia Ruralis*, 2010, vol. 50(3), p. 199–204.
- Carrsio G., Magnani N., Osti G. A mild rural gentrification driven by tourism and second homes. Cases from Italy, *Sociologia Urbana e Rurale*, 2019, p. 29–45.
- Nelson P., Oberg A., Nelson L. Rural Gentrification and Linked Migration in the United States, *Journal of Rural Studies*, 2010, vol. 26, p. 343–352.
- Phillips M. Counterurbanisation and rural gentrification: an exploration of the terms, *Population, Space and Place*, 2010, vol. 16, p. 539–558.
- Solana M. Rural gentrification in Catalonia, Spain: A case study of migration, social change and conflicts in the Empordanet area, *Geoforum*, 2010, p. 508–517.
- Stockdale A. The diverse geographies of rural gentrification in Scotland, *Journal of Rural Studies*, 2010, vol. 26(1), p. 31–40.
- Smith N., Derksen J. Urban regeneration: Gentrification as global urban strategy, Stan Douglas: Every Building on 100 West Hastings, 2002, p. 62–95.
- Электронные ресурсы*
- Первый в России документальный кинокампус. URL: <https://northernpeople.ru> (дата обращения 8.05.2022).
- Рурбанизация по-русски: как выгнать россиян из городов? URL: <https://www.cottage.ru/articles/focus/209338.html> (дата обращения 8.05.2022).
- Сахнин А. Из столицы в станицу: зачем москвичи массово переезжают в деревенскую глушь? // Москвич Magazine, 12.10.2021. URL: https://moskvichmag.ru/gorod/iz-stolitsy-v-stanitsu-zachem-moskvichi-massovo-pereezhayut-v-derevenskuyu-glush/?fbclid=IwAR2nOd1Bx7qSYbUXFMt6rra3HJVpGD-LUP1_y59nck83A87Vo5eWNAa4wI (дата обращения 8.05.2022).

Поступила в редакцию 15.03.2022

После доработки 20.04.2022

Принята к публикации 13.05.2022

RURAL GENTRIFICATION IN THE NON-CHERNOZEM REGION OF RUSSIA

K.V. Averkieva

*Institute of Geography RAS, Department of Socio-Economic Geography,
Senior Scientific Researcher, Ph.D. in Geography; e-mail: k_averkieva@igras.ru*

Against the background of ongoing migration outflow of rural residents to cities, the process of city dwellers transfer to rural areas is hardly noticeable, particularly if they do not change their city registration or live in rural areas seasonally. However, the influx of new residents has a great impact on rural areas, since city people have rich social capital and other resources to transform rural areas. Using the example of Verkhovazhsky district, where field studies have been conducted for several years, it is shown how city dwellers are involved in various types of rural economic and social life or offer new types of activities. Villages along the Vaga River valley host a base for restorers of wooden architecture, a center for wood-burning ceramic products, a museum of ancient horse harness and other objects created by city dwellers. At the same time, former city people also work at ordinary objects of rural social infrastructure, such as schools, cultural centers, shops, rural administrations, offering practices accepted in the cities, e.g. public lectures, book-crossing, separate garbage collection, rural second-hand, to rural residents.

Keywords: rural gentrification, rural-urban migration, Non-Chernozem region, Vologda region

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project 21-17-00112).

REFERENCES

- Averkiova K.V., Nefedova T.G. Dachnaya "kolonizatsiya" rossiiskoi glubinki, primer Kostromskoi oblasti [Dachas and the Colonization of Rural Areas by Urban Citizens in Russia: the case of the Kostroma Region], *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016, vol. 25, no. 1, p. 103–128. (In Russian)
- Bell M., Osti G. Mobilities and ruralities: an introduction, *Sociologia Ruralis*, 2010, vol. 50(3), p. 199–204.
- Carrosio G., Magnani N., Osti G. A mild rural gentrification driven by tourism and second homes. Cases from Italy, *Sociologia Urbana e Rurale*, 2019, p. 29–45.
- Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v rossiiskoi glubinke: Dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva [Citizens in the village. Sociological research in the Russian hinterland: deurbanization and rural-urban communities], V.I. Il'in, N.E. Pokrovskii (eds.), Moscow, Universitetskaya kniga, 2016, 404 p. (In Russian)
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Rol' migratsii v usilenii kontrastov rasseleniya na munitsipal'nom urovne v Rossii [Role of Migration in Enhancing Contrasts of Settlement Pattern at Municipal Level in Russia], *Izvestia RAN, Ser. Geogr.*, 2016, no. 5, p. 46–59. (In Russian)
- Makhrova A.G., Golubchikov O.Yu. Rossijskij gorod v usloviyakh kapitalizma: sotsialnaya transformatsiya vnutri-gorodskogo prostranstva [Russian City under Capitalism: Social Transformation of Intra-City Space], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2012, no. 2, p. 26–31. (In Russian)
- Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. Sadovodachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rasseleniya [Gardening and Dacha Communities of Urban Dwellers in the Rural Settlement System], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2016, no. 2, p. 64–74. (In Russian)
- Makhrova A.G., Tatarintseva A.A. Razvitie protsessov dzhentrifikatsii i rekonstruktsiya gorodskoy sredy tsentra Moskvy v postsovet'skiy period [Development of gentrification processes and reconstruction of the urban environment of the center of Moscow in the post-Soviet period], *Regionalnye issledovaniya*, 2006, no. 3(9), p. 28–42. (In Russian)
- Mel'nikova E.A. Derevnaya v gorodskikh proektsiyakh rossiyan [The Village in Urban Projections of Modern Russians], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2020, no. 6, p. 5–11. (In Russian)
- Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' Rossii [Between home and... home. Reverse spatial mobility in Russia], T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova (eds.), Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2016, 504 p. (In Russian)
- Nefedova T.G. [Russian outback through the eyes of its inhabitants], *Ugorskiy proyekt: ekologiya i lyudi bliznego Severa* [Ugory project: ecology and people of the Near North], N.E. Pokrovskiy (ed.), Moscow, Soobshchestvo professional'nykh sotsiologov, 2008, p. 98–120. (In Russian)
- Nefedova T.G., Pokrovskii N.E., Treivish A.I. Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva v usloviyakh rosta gorizontnoi mobil'nosti [Urbanization, Deurbanization and Rural-Urban Communities in Conditions of Growth of Horizontal Mobility], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no. 12(380), p. 60–69. (In Russian)
- Nelson P., Oberg A., Nelson L. Rural Gentrification and Linked Migration in the United States, *Journal of Rural Studies*, 2010, vol. 26, p. 343–352.
- Ovchintseva L.A. Novye selyane: motivy i faktory peresele-niya iz goroda v sel'skuyu mestnost' [New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, Seriya: Sotsiologiya*, 2021, vol. 21, no. 2, p. 305. (In Russian)
- Phillips M. Counterurbanisation and rural gentrification: an exploration of the terms, *Population, Space and Place*, 2010, vol. 16, p. 539–558.
- Pokrovskii N.E., Makshanchikova A.Yu., Nikishin E.A. Obratnaya migratsiya v usloviyakh pandemicheskogo krizisa: vnegorodskie prostranstva Rossii kak resurs adaptatsii [Reverse migration in pandemic crisis: Out-of-town spaces of Russia as an adaptation resource], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, no. 12, p. 54–64. (In Russian)
- Pokrovskii N.E., Nefedova T.G. "Kletochnaya globalizatsiya" i tendentsii v sel'skikh soobshchestvakh blizhnego severa Rossii ["Cellular Globalization" and Trends in Rural Communities of the Near North of Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013, no. 4, p. 13–23. (In Russian)
- Shchepanskaya T.B. Domik-v-derevne dlya begstva i vy-zhivaniya: utopiya sel'skoi avtonomii v populyarnoi futurologii katastrof [House-in-the-Village for Escape and Survival: Utopia of Rural Autonomy in the Popular Futurology of Disasters], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 6, p. 70–87. (In Russian)
- Shchepanskaya T.B. K dinamike postagrarnosti: resaikling sel'skoi zverofarmy v Respublike Karelii [To the Dynamics of Postagrophy: Recycling of a Rural Farm in the Republic of Karelia], *Slovesnost' i istoriya*, 2021, no. 2, p. 108–124. (In Russian)
- Shchepetkova I.O. Territorial'naya organizatsiya sadovodachnykh obrazovaniy v prigorodakh Permi [Territorial Organization of Garden and Dacha Formations in Perm Suburbs], *Izvestia RAN, Ser. Geogr.*, 2018, no. 4, p. 46–54. (In Russian)
- Solana M. Rural gentrification in Catalonia, Spain: A case study of migration, social change and conflicts in the Empordanet area, *Geoforum*, 2010, p. 508–517.
- Staroosvoennyye raiony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost' [Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporary], T.G. Nefedova, A.V. Starikova (eds.), Moscow, KMK Publ., 2021, 379 p. (In Russian)
- Stockdale A. The diverse geographies of rural gentrification in Scotland, *Journal of Rural Studies*, 2010, vol. 26(1), p. 31–40.
- Vavilova T.Ya., Kuznetsov I.V. Dzhentrifikatsiya gorodskikh territoriy, raspolozhennykh vblizi zheleznikh dorog i vokzalov, v interesakh ustojchivogo razvitiya [Gentrification of urban areas near railways and stations for sustainable development], *Arkitektura i sovremennyye informatsionnyye tekhnologii*, 2020, no. 4(53), p. 191–203. (In Russian)
- Zhadnova E.V. Metodologicheskie podkhody k izucheniyu vzaimodeystviya goroda i derevni [Methodology approaches to studies in urban-area interference with the coun-

- tryside], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2014, no. 1, p. 194–199. (In Russian)
- Zvyagintsev V.I. Neuvazhaeva M.A. Pereselentsy iz goroda v sel'skuyu mestnost': fenomen "obratnoi migratsii" v sovremennoi Rossii [Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of "Counter-urbanisation" in Modern Russia], *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2015, vol. 24, no. 1, p. 101–135. (In Russian)
- Web sources*
- Pervyj v Rossii dokumental'nyj kinokampus [Russia's first documentary film campus], URL: <https://northernpeople.ru> (access date 8.05.2022).
- Rurbanizacija po-russki: kak vygnat' rossijan iz gorodov? [Rurbanization in Russian: how to expel Russians from cities?], URL: <https://www.cottage.ru/articles/focus/209338.html> (access date 8.05.2022). (In Russian)
- Sahnin A. Iz stolicy v stanicu: zchem moskvichi massovo pereezzhajut v derevenskuju glush? [From the capital to the village: why Muscovites are moving en masse to the countryside], URL: https://moskvichmag.ru/gorod/iz-stolitsy-v-stanitsu-zchem-moskvichi-massovo-pereezzhajut-v-derevenskuyuglush/?fbclid=IwAR2nOd1Bx7qSYbUXFMt6rra3HJVpGD-LUP1_y59nck83A-87Vo5eWNAa4wI (access date 8.05.2022) (In Russian)

Received 15.03.2022

Revised 20.04.2022

Accepted 13.05.2022